

О древнеевропейской гидронимии

Ономастическая наука в последние десятилетия все больше характеризуется обращением к когнитивно-антропоцентристской парадигме, незаслуженно оставляя при этом этимологические исследования как бы на периферии ономастической проблематики, чему, безусловно, способствовала унаследованная еще от исследователей прошлого века шаткость и ненадежность основных приемов и методов реконструкции ономастического материала, на что неоднократно указывалось в лингвистической литературе. В то же время было бы несправедливо, если бы мы не назвали имена крупнейших отечественных исследователей (В. А. Никонов, Э. М. Мурзаев, А. К. Матвеев, Е. М. Поспелов, Г. П. Смолицкая и др.), добившихся больших результатов в диахронической ономастике. Теоретические достижения диахронической ономастики не могли не оказать положительного влияния на дальнейшее развитие и совершенствование методики этимологической интерпретации топонимов, которая нашла свое практическое воплощение в лексикографических работах.

Вместе с тем, думается, что распространенные в ономастической литературе этимологии некоторых топонимов, в частности гидронимов, нуждаются в уточнении. Это касается прежде всего так называемой «древнеевропейской» гидронимии. В свое время Г. Краз, выделяя особый слой древнеевропейской гидронимии, имел в виду, что этот лингвистически не дифференцированный слой отражает еще не дифференцированный язык (*voreizelsprachlich*) собственно европейской группы индоевропейского. Иными словами, древнеевропейские гидронимы представляют собой промежуточную ступень между общиндоевропейским языком и отдельными, самостоятельными (*einzelnsprachlich*) индоевропейскими языками, выделившимися из этой языковой общности (германский, славянский, балтийский и т. п.).

Несмотря на очевидную теперь недостаточность обоснования ряда положений, встречающихся в трудах Г. Краз, в целом трудно избавиться от впечатлений о серьезной недооценке в последискуссионный период (В. П. Шмид, Ю. Удольф, О. Н. Трубачев, Р. А. Агеева и др.) его концепции поэтапного развития языка. Так, О. Н. Трубачев считает, что древнеевропейская гидронимия явилась скорее порождением последующего сглаживания, нивелировки, наддиалектного развития, а не изначального додиалектного единства, сомнительного самого по себе. Это положение признается большинством отечественных лингвистов. Однако, как нам представляется, современное состояние отечественной и зарубежной гидронимики не позволяет говорить о тенденциях сглаживания, нивелировки древнеевропейских гидронимов. Трудно себе представить, что выработка неких «усредненных» морфологических и фонетических форм могла касаться гидронимов, территориально (точнее картографически) расположенных на значительных расстояниях друг от друга (от Западной Европы до Волги). В противном случае в составе гидронимов, несмотря на их столь консервативный характер, видимо, сохранились бы «следы» их этнической языковой дифференциации.

Едва ли возможно признать справедливой точку зрения тех ученых, которые считают, что древнеевропейская гидронимия – это субстрат, усвоенный различными народами от периода древнеевропейской языковой общности и сохранившийся в эпоху более поздних передвижений отдельных народов, которые переносили древние индоевропейские названия на новые территории (Р. А. Агеева). Если мы говорим о наличии древнеевропейских гидронимов, например в немецкой языковой области, то, несмотря на значительное количество нарицательных имен неиндоевропейского происхождения в немецком языке, наукой еще не доказано их субстратное происхождение. Следовательно, мы не можем считать древнеевропейские гидронимы субстратом. Что же касается переноса древнейших гидронимов на новые территории, то это вполне допустимо, однако еще не выяснено, где была прародина индоевропейцев и каковы пути их дальнейшей миграции.

Думается, что проблема древнеевропейской гидронимии далека от окончательного разрешения. Мы пока не знаем, какие структурные и семантические типы в ней преобладали. Видимо, следует признать поэтапность и преемственность в развитии древнеевропейских гидронимов, но не в том смысле, который вкладывал в это понятие Г. Краз: поэтапность следует понимать как возможность выделения в древнеевропейской гидронимии некоторых стратиграфических пластов. Древнеевропейская гидронимия представляется нам не отдельным умозрительным синхроническим срезом, а диахронически состоящей из различных пластов, которые еще предстоит выделить.

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
И. А. Седакова (Москва)

«Шкурный интерес»: семантическое развитие **kož*- и **skor*- в этнолингвистической перспективе

Гнезда **kož*- и **skor*- в славянских языках демонстрируют широкий спектр значений и богатую фразеологию. Изучение этих гнезд представляет интерес в различных аспектах, например в дистрибутивном: в отдельных языках различна представленность данных корней (так, в болгарском отсутствуют дериваты **skor*-, в украинском редки дериваты **kož*-) и объем значений («кожа человека» – «кожа животного», «необработанная кожа» – «обработанная кожа», «кожа» – «мех»). Этот аспект останется за рамками настоящего доклада, в котором лексика данных гнезд будет анализироваться с этнолингвистических позиций.

Имея различные этимологические значения («козья шкура» для **kož*-, «кора» для **skor*-), данные корни обладают общей базовой семой «оболочка», которая конкретизируется в различных направлениях («кожура», «скорлупа», «шкурка», «кора» и др.) и открывает большие возможности для символического переосмысления. Вторичные значения дериватов **kož*- и **skor*- во многом совпадают, но в том